

Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы

Санина Анна Георгиевна

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
Доцент департамента государственного администрирования
Кандидат социологических наук, доцент
anna.g.sanina@gmail.com

Павлов Александр Владимирович

Министерство обороны Российской Федерации (Москва)
Советник начальника Управления культуры МО РФ
av_pavlov86@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена формированию концептуального поля понятия «государственная идентичность», которое в отличие от понятий «национальная идентичность» и «гражданская идентичность» не распространено в отечественной социально-политической науке. Процессы глобализации, информатизации, виртуализации, определяющие ситуацию современности, позволяют говорить (1) о существенных трансформациях в отношениях власти и общества, суть которых состоит в изменении исторически сложившегося распределения функций и конфигурации властного поля, развитии инновационных процессов, соединяющих социальное управление со спонтанными механизмами самоуправления и самоорганизации, и (2) о взаимном влиянии традиционного («реального») пространства взаимодействия и пространства сетевых интеракций на формирование государственной идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная идентичность, национальная идентичность, гражданская идентичность, государство и общество

Sanina A. G., Pavlov A. V.

State Identity: Towards the Definition of a Concept and Problem Statement

Sanina Anna Georgievna

National Research University «Higher School of Economics», St. Petersburg branch (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate professor of the Department of Public Administration,
Candidate of Science in Sociology
anna.g.sanina@gmail.com

Pavlov Alexander Vladimirovich

Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
Advisor to the Head of the Department of Culture
av_pavlov86@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the formation of a conceptual field of the «state identity» concept, which, in contrast to the concepts of «national identity» and «civic identity» is not common in Russian social and political science. The processes of globalization, informatization, virtualization in the situation of modernity suggest the significant transformations in the relations between the authorities and society, the essence of which is to change the historically distribution functions, reconfiguring powerful field of innovation processes linking social control mechanisms with spontaneous self-regulation.

KEYWORDS

state identity, national identity, civic identity, state and society

«Национальное», «гражданское» и «государственное» в концепциях социальной идентичности

Взаимодействие человека и государства — традиционная и во многом устоявшаяся практика, сложившаяся в ходе исторических процессов формирования территории, экономических связей, национального языка, культуры и характера. Человек в этом особом, индивидуально-институциональном, взаимодействии выступает в разных ипостасях: не только как управляемый, подданный, но и как избиратель, потребитель и — главное — создатель, формирующий собственное социальное пространство, в которое государство включается лишь как один из объектов идентификации.

В научной литературе широкий круг вопросов, связанный с проблемами взаимодействия государства и гражданина, принято описывать в двух категориальных полях: национального и гражданского. Идет ли речь о национальной самобытности, национальной культуре, национальном характере или о гражданском участии и социальной солидарности — в большинстве случаев мы столкнемся с понятиями национальной и гражданской идентичности.

Понятие «государственная идентичность» используется чаще всего в контексте анализа международных отношений и понимается как своего рода бренд государства, который играет определяющую роль в его внутренней и внешней политике [23]. Применительно же к социальным группам и общностям данного термина избегают или полностью, или частично, соединяя его с другим словом: таким образом формируются концепции «государственно-гражданской» [9], «национально-государственной» [13], «этногосударственной» [8] идентичности.

Объяснить подобное избегание «чистого» термина «государственная идентичность» можно исторической спецификой развития отечественного социального знания. Российская наука унаследовала терминологический аппарат советских ученых, который был во многом сформирован в целях идеологического обоснования национальной политики. Одной из главных характеристик советского дискурса было представление о патриотизме, следовании принципам партии, ответственности перед государством и его «вождями». Патриотизм в СССР стал ключевым концептом политической социализации и государственной идентичности, позволяя на регулярной основе воспроизводить необходимый тип политической лояльности. Главная задача воспроизводства такого патриотизма заключалась в попытке сплотить индивидов вокруг государства, тогда как «глобалистам» и «космополитам» ставилось в вину пренебрежение к национальной культуре.

Сегодня, когда социально-политические реалии изменились, а в научных исследованиях стали все чаще появляться ссылки на труды европейских и американских исследователей, понятие «государственной идентичности» воспринимается как пережиток прошлого, характеризующий тотальную лояльность властным структурам и «слепой» патриотизм. Более того, зачистую понятия «гражданская идентичность» и «государственная идентичность» противопоставляются друг другу как «хорошее — плохое» или «формальное — настоящее». Так, например, в статье Н. А. Галактионовой указывается, что «номинация “россиянин” определяет два аспекта: государственный и гражданский. Государственный выражается исключительно административным закреплением статуса гражданина страны, который присваивается автоматически (по праву рождения или путем специальных процедур получения гражданства для мигрантов и характеризуется как формализованный, предписываемый извне). Гражданский аспект подразумевает ценностно-когнитивное наполнение, реализуемое в рамках патриотических чувств, приверженности ценностям страны» [6, с. 12].

Разделение государственного и гражданского — удобный и иногда необходимый теоретический прием, однако в своих крайних формах он имеет существенные недостатки.

Во-первых, рассмотрение государства исключительно как административного аппарата лишает индивидов значимого «социального целого»: как известно, любое сообщество конституируется через определение своих внешних границ, которое и создает общность между членами группы, и государственные границы в этом процессе — наиболее очевидные, исторически определенные и понятные. Как отмечают К. Болдинг и Э. Смит, размер территории, занимаемой государством, ее ландшафт, климат и природа часто служат смысловой опорой для людей, описывающих свою родину [17, р. 120–131; 27, р. 86]. Потеря или приобретение территорий, то есть изменение территориальных границ, может служить источником изменений социальной идентичности.

Во-вторых, упорное рассмотрение государства как «нечто внешнего» приводит в конечном итоге к восприятию его как врага, нежелательной силы, оказывающей давление исключительно ради воспроизводства властных позиций. Государство начинает восприниматься скорее как структура, препятствующая созданию гражданского общества, нежели как партнер или субъект возможного диалога. Без устойчивого образа государства и лояльности индивидов и социальных групп основные политические институты, административные структуры приобретают характер симулякра — гиперреальности, не имеющей отношения к миру повседневного. Более того, исключение гражданской идентичности из государственной, производимое на теоретическом уровне, приводит к тому, что, попадая в контекст социально-политической и управленческой практики, государственная идентичность начинает сводиться только к одному ее компоненту — формированию легитимирующей картины мира, способствующей сохранению и развитию государственных институтов. В абсолютном большинстве случаев для достижения этой цели лидеры государства проповедуют идею о том, что государство должно быть «государством нации» и служить ее интересам, а государственная идентичность непременно должна «конструироваться». При этом правящие элиты предполагают, как правило, что они сами являются объектами патриотической лояльности, поскольку именно они сформулировали истинную «волю коллективного» [19].

В-третьих, акцент на национальной и гражданской идентичностях и невнимание к идентичности государственной приводит к постепенному нивелированию социальной ответственности и восприятию государства как чего-то «не своего». Самым важным недостатком понятия «гражданская идентичность» является то, что оно исходит из потребности человека в установлении и активизации связи с другими людьми. Данный тезис обычно приводится как само собой разумеющийся, в то время как на самом деле в мире конца XX — начала XXI вв. он весьма неоднозначен. Как отмечает З. Бауман, современный человек воспринимает коллективные действия «в лучшем случае бесполезными, а в худшем — вредными с точки зрения благополучия и счастья отдельной личности» [3, с. 73], что приводит к потере социальных и политических характеристик, которые потенциально формируют гражданина и главное его качество — ответственность за государство.

В новостных лентах последних лет драматические происшествия все чаще сопровождаются комментариями о том, что «люди шли мимо» человека, попавшего в беду, не оказывая ему никакой помощи, не вызывая даже «скорую помощь»¹.

¹ Приведем лишь некоторые цитаты.

На Невском проспекте на девушку упала глыба льда. «Собралась толпа зевак, однако никто не позвонил в „Скорую“» (Новости // «Эхо Москвы» в Санкт-Петербурге. 03.02.2011. URL: <http://www.echomsk.spb.ru> (дата обращения: 22.07.2011).

И это не «внутрироссийская халатность», а общемировая тенденция, обусловленная, в том числе, индивидуализацией и автономизацией общества. Угасание социальной энергии, апатию и безразличие современного человека Ж. Бодрийяр связывает с распространением потоков информации, рассеивающей смысл, усредняющей мышление, нивелирующей различия, превращающего людей в пассивных потребителей образов экранной культуры. По его замечанию, «внутренняя активность людей стала интерактивностью экранов» [4, с. 80]. Современный человек не готов к активным индивидуальным и коллективным действиям и способен проявлять солидарность, лишь находясь у домашнего телевизора и переживая за исход футбольного матча» [4, с. 33]. В этом контексте становится понятным, почему часто, говоря о гражданской или национальной идентичности, исследователи упоминают о ее кризисе.

Государство и государственная идентичность

С точки зрения П. Бурдьё, люди начинают признавать представителей государственной власти и подчиняться их решениям не на уровне сознательного выбора или договора, а посредством подчинения всему ходу повседневной жизни, в который имплицитно включаются когнитивные структуры, в соответствии с которыми эту повседневную жизнь нужно воспринимать. Государство — источник всевозможных правил, классификаций, перечней профессий, академических званий и научных дисциплин, памятных исторических событий, моделей восприятия прошлого и планирования будущего. У государства даже нет особой необходимости давать приказы и совершать физическое насилие, чтобы упорядочить социальный мир: «он будет существовать столь же долго, сколь государство способно производить инкорпорированные когнитивные структуры, согласованные с объективными структурами, и таким образом обеспечивать веру» [5, с. 164], то есть обеспечивать *доксическое подчинение* установленному порядку.

Как отмечает А. Б. Гофман, государственный патернализм следует рассматривать как «вполне рациональный и адекватный способ адаптации к ситуации, в которой государственная власть берет на себя все и вся и выступает как тотальность, вытесняющая и поглощающая все остальные институты, в том числе институты гражданского общества» [7]. Процесс формирования гражданского общества в России в большой степени является государственной инициативой — в программных заявлениях политических лидеров этот мотив появляется достаточно часто; при Президенте РФ есть Совет по развитию гражданского общества и правам человека. Однако в реальности опыт современной России показывает, что региональные и местные власти по-разному проявляют готовность к восприятию гражданских инициатив и развитию гражданского диалога. Тенденции формирования и развития гражданского общества в России во многом определяются федеративной структурой.

Девушку, упавшую в петербургском метро между вагонами, могли спасти элементарные действия свидетелей происшествия. «Как показывает камера видеонаблюдения, было 2 человека. Они находились в двух шагах от этой девушки. Как видно на видео, они даже не остановились, хотя не видеть момент падения Виктории просто не могли (само падение видно на 36-й секунде). Более того, скорее всего, они же возвращаются потом посмотреть на рельсы. Это тоже видно» (Видеозапись момента гибели девушки на станции метро «Невский проспект» // СПб. : Газета. 31.03.2008. URL: <http://www.gazeta.spb.ru> (дата обращения: 22.07.2011).

«Трагедия произошла днем, и люди, которые проходили мимо, видели женщину, лежавшую в луже крови, и стоявшего рядом пьяного мужчину. Однако никто из них не вмешался в кровавую драму: милиция и «скорая помощь» так и не были вызваны» (Люди прошли мимо: никто из свидетелей преступления не вызвал ни милицию, ни скорую // «Российская газета». Приволжье. № 4382. 06.06.2007. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 22.07.2011).

рой государства, взаимоотношением центра и регионов, а также связями между властными субъектами всех уровней и населением.

Именно поэтому *необходимо говорить не только о национальной и гражданской, но и о государственной идентичности*. Государство при этом трактуется уже не как административный аппарат или система институтов, выполняющих функции принуждения, а как когнитивно и эмоционально близкое индивиду социальное целое, значимый объект самоотнесения, логическая предпосылка идентификационной цепочки «дом — поселение — регион — страна». В мире открытых территориальных и информационных границ государство зачастую становится условным домом для индивида, позволяющим при всей вариативности идентификаций оставаться собой [24]. Э. Бёрк [20] указывает, что государство не следует рассматривать как просто некое партнерское соглашение. Оно представляет собой «нечто» («entity»), живущее собственной жизнью, одновременно отличаясь как от правителей, так и от управляемых и, следовательно, заслуживает выражения лояльности по отношению к себе как от первых, так и от вторых.

М. Вебер также включает в понимание государства элементы взаимодействия и нормативно-ценностный аспект: «Если мы зададим вопрос, что в эмпирической действительности соответствует идее государства, то обнаружим бесконечное множество диффузных и дискретных действий, и пассивных реакций, фактически и юридически упорядоченных связей, либо единичных по своему характеру, либо регулярно повторяющихся; связей, объединенных... верой в действительно значимые нормы... и в отношении господства — подчинения между людьми» [29, р. 200]. Этот подход, раскрывающий аксиологическую перспективу понимания понятия государства, позволяет увидеть государство за пределами его строгих административных очертаний, что, в свою очередь, позволяет *рассматривать государственную идентичность как связь индивида и государства, основанную на когнитивной и эмоциональной привязанности, символических структурах, нормативных представлениях, а также на прозрачной структурированности отношений прав и обязанностей между «ролями власти» и «ролями граждан»* [10, с. 219].

Таким образом, сущность государства подразумевает не только и не столько производство законов и легитимное право на насилие, применяемого с целью обеспечения их выполнения, но прежде всего конструирование социального порядка и формирование социальных отношений и взаимодействий в обществе. С древнейших времен государство является важнейшим агентом, определяющим форму и содержание исторического развития общества, и поэтому феномен государства имеет огромное количество различных значений и трактовок, влияющих, в том числе, на понимание государственной идентичности [1, с. 149]. Однако характеризуя государственную идентичность в ситуации современности, необходимо учитывать две важнейшие тенденции социального развития.

Первая тенденция связана с возрастающей ролью глобализационных процессов. Глобализация стала одним из ключевых понятий в современных социально-гуманитарных науках, описывая «размытие границ», влекущее за собой новый феномен «космополитической идентичности» индивидов, социальных групп и социальных институтов. Как указывает М. Кастельс, в обществе конца XX — начала XXI вв. все типы социальных отношений могут быть основаны на межнациональных связях и объединениях и, в большинстве случаев, не поддерживаться местом, происхождением или национальностью индивидов [21].

Ю. А. Красин подчеркивает, что глобализация мира и технологическая революция привели к социетальному перевороту в отношениях власти и общества, суть которого состоит в изменении исторически сложившегося распределения функций (государство представляет политическую власть в обществе, а гражданское общество, выражая многообразие частных интересов, влияет на формирование публич-

ной политики), изменении конфигурации властного поля, развития инновационных процессов, соединяющих социальное управление со спонтанными механизмами самоуправления, самоорганизации и саморегулирования. Эти новые социальные практики властных отношений «возрождают прямую демократию, прямое влияние постоянно размышляющего общества на политические процессы; происходит становление более высокой формы народовластия, при которой политика погружена в контекст публичной рефлексии» [11, с. 51]. Наряду со снижением уровня традиционных форм политической активности, который отмечается во многих странах мира [14; 22 и др.], развитие получают менее формализованные, неиерархизированные, основанные на спонтанной мобилизации конвенциональные формы политического участия (группы в Интернете, петиции по электронной почте и в социальных сетях, протестные акции и т. п.) [28].

Вторая тенденция обусловлена все более интенсивным развитием так называемого «виртуального пространства», многократно усложняющим и умножающим массив информационных, коммуникативных, когнитивных, технологических, социально-культурных и других потоков в обществе. Кроме того, само государство как поле идентификации перестает быть территориально определенным: об этом свидетельствуют такие явления и процессы, как феномен «электронного правительства», представленность многих государственных деятелей в блогосфере, деятельность форумов по ключевым вопросам развития государства и общества и т. д. В информационно-технологическом пространстве получает гипертрофированное развитие парадокс Г. Зиммеля о том, что житель большого города склонен к интеллектуализму и абстракции, ему безразлично близкое и интересно пространственно удаленное [26, р. 718]. В связи с вовлеченностью в сетевые сообщества все большего числа молодых людей сегодня можно говорить о взаимном влиянии традиционного («реального») пространства взаимодействия и пространства сетевых интеракций на формирование государственной идентичности.

Теоретическая модель государственной идентичности

В отличие от других видов социальных идентичностей (личностной, этнической, религиозной), государственная идентичность приобретает выраженную актуальность для индивида только на этапе вторичной социализации. До достижения определенного возраста человек не вступает с государством в отношения, предполагающие двустороннюю активность: не является, например, налогоплательщиком или военнообязанным. Поэтому, с теоретической точки зрения, можно говорить о том, что государственная идентичность обладает спецификой *преимущественно внешней* (по отношению к индивиду) *конструируемости*. «Ощущение государства» формируется посредством образовательной и идеологической деятельности ключевых социальных институтов, направленной на развитие понимания исторической общности территории, политического и юридического равенства граждан; необходимости государственной власти; социально-культурной активности организаций, призванных сохранять общность гражданской культуры, поддерживать желание и согласие людей быть частью государства.

Исходя из данной логики, можно выделить следующие характеристики идентичности:

- 1) знания о государстве в его исторической и современной перспективе (*когнитивный элемент*);
- 2) эмоциональное отношение к государству/стране/родине (*эмоционально-оценочный элемент*);
- 3) те или иные «идеальные» представления о нормах и ценностях, которые разделяют все люди как граждане государства и которые имеют для самого государства и для граждан понятную значимость (*нормативно-ценностный элемент*);

4) действия, в которых проявляются те или иные установки, связанные с восприятием своего места в государстве (*поведенческий элемент*).

Каждый элемент можно конкретизировать на основе ряда признаков, его раскрывающих. В совокупности данные элементы формируют теоретическую модель государственной идентичности.

Когнитивный элемент включает в себя знания о государственной власти и символике, об основном законе страны и нормативно-правовых основах организации общественных отношений, о правах и обязанностях гражданина, о формах участия народа в управлении государством, о политических событиях, происходящих в государстве, о выборах, партиях и общественных движениях в стране и т. д.

Аккумуляция и трансляция социально значимого знания — информации о государстве и опыте коллективной жизнедеятельности людей — способствуют повышению эффективности взаимодействия индивида и государства, а также снижению остроты и разрешению возникающих противоречий и напряжений. Социально значимое знание выполняет функцию воспроизводства ценностных образцов, которые являются основой функционирования общественной системы в целом и конструирования государственной идентичности, в частности [12, с. 15–16]. В результате накопления индивидуальных и групповых представлений о реальности повседневной жизни, объективированных в языке и материальной культуре, составляется социальный запас знания, доступный индивиду в повседневной жизни.

Х. Питкин отмечает, что конституция как основной закон государства определяет основные нормативные рамки гражданской жизни, что конституирует политическое сообщество. Кроме того, Конституция любого государства отражает непрерывный процесс обретения гражданского опыта (конституции «делаются»), участия людей в общественной и политической жизни [25, р. 167–169]. С этими двумя аспектами конституции связано не только гражданское поведение, но и гражданская лояльность — создание исходного консенсуса вокруг проекта политического сообщества и согласие с результатами его институционализации.

Эмоционально-оценочный элемент характеризует наличие того или иного оттенка равнодушного отношения к социально-политическим событиям, связанным с историей государства или современным этапом его развития; принятие или непринятие своей принадлежности к гражданам государства; восприятие государственных лидеров и оценка действий различных политических акторов.

Как отмечают С. Ю. Барсукова и О. А. Симонова, с социологическим изучением эмоций, возникающих в процессе социального взаимодействия, связаны методологические стратегии преодоления аналитического разделения общества на микро- и макроуровень и объяснения связи отдельных индивидов с социальной структурой [2; 15]. Эмоциональное оценивание явлений является фундаментальной силой, поддерживающей структуру общества и обеспечивающей групповую конформность и согласие. Дж. Александер рассматривает эмоции как одно из фундаментальных свойств социальной среды действия [16], поскольку любые социальные действия и взаимодействия связаны с порождением и выражением эмоций.

Эмоции и эмоциональные оценки выражаются не только в прямых высказываниях, но и в обратных, обладающих скрытым смыслом, понятным только участникам группы или сообщества. Эти обратные высказывания чаще всего оформляются как *ирония* и *юмор*. С их помощью совместно с другими людьми мы конструируем свои взгляды на то, какой мир есть и каким он должен быть. Сущностью юмора является вскрытие противоречий, обнажение абсурдности ситуации. Ирония, в отличие от юмора, основана на недоумении, удивлении, далеко не всегда вызывает смех и предполагает возможность (но нежелательность) реальности антимира для иронизирующего субъекта.

Нормативно-ценностный элемент описывает оценку, которую индивид дает событиям, действиям или людям с точки зрения дихотомий «должно — не должно»,

«правильно — неправильно». Основой данного элемента выступает социальная память, то есть совокупность социокультурных институтов, осуществляющих преобразование актуальной социальной информации в ретроспективную с целью сохранения накопленного опыта и передачи его от поколения к поколению. Этот процесс — неотъемлемая часть жизнедеятельности людей, так как память является источником социальной динамики и условием самоидентификации личности, социальной группы, общества в целом. В структуре социальной памяти можно выделить несколько компонентов, таких как историческая, политическая, экономическая, культурная, этносоциальная память.

Историческая память отражает накопленный исторический опыт и проявляется в структуре сложившихся норм, образцов, традиций, ценностей, которые характеризуют путь развития государства от древности до современного состояния. Она одновременно является причиной и следствием государственной идентичности, удерживая все, что признается необходимым для ориентации во временных и территориальных рамках государства, в котором живет индивид. Политическая память также важна, поскольку связана с определением содержания и форм государственного устройства, функций и задач политической власти, особенностей взаимоотношения с другими государствами. Она проявляется во взглядах, навыках политической деятельности, специфике политической культуры [19]. Экономическую память можно рассматривать как систему принципов производства, распределения, обмена и потребления, традиционных для той или иной социальной общности и отражающую необходимость принятия решений об использовании ограниченных ресурсов для удовлетворения неограниченных человеческих потребностей. Экономическая память тесно связана с политической памятью, так как проблема хозяйственной организации в каждом обществе решается специфическими методами, характерными для того или иного политического режима. Культурная память отражает связь между поколениями, состоящую в накоплении, сохранении и распространении опыта общественной жизни и представляет собой динамическое образование, охватывающее социальные отношения, направленные на создание материальных и духовных ценностей, обеспечивающих взаимопонимание людей в различных социальных ситуациях. Этносоциальная память определяет форму аккумуляции и трансляции социально-этнического опыта с учетом информации, знаний, моделей поведения, регламентирующих и регулирующих деятельность человека как представителя того или иного этноса.

Поведенческий элемент предполагает реализацию гражданской позиции в действиях индивида, гражданскую активность и участие в социально значимой деятельности: участие в гражданских акциях, митингах, социальных проектах, в субботниках по благоустройству города, соблюдение общественного порядка и др. Данный элемент выполняет функцию социальной трансформации и определяет поведение индивида в пространстве государственных институтов, его умение выполнять гражданские обязанности. Он проявляется в гражданской деятельности, которая выступает как необходимое условие овладения социокультурным опытом. Участие граждан в политической жизни серьезно влияет не только на функционирование политической системы, но и на ее выживание. Гражданское участие является показателем ценностных предпочтений и интересов индивидов, а гражданская культура, в силу повышения ответственности самих граждан, выступает легитимирующим потенциалом опыта политического участия.

Социокультурный опыт представляет собой существующие в общественном сознании формы реализации социально значимых деятельностных и интеракционных практик, которые используются, в том числе, для поддержания необходимого уровня социальной консолидированности общества. Социальный опыт аккумулирует мотивационные, социально-организационные, регулятивные, информационно-коммуника-

тивные и инновативно-творческие «срезы» деятельности индивидов и социальных групп, транслируясь в ходе социализации и инкультурации личности. Именно поэтому он является значимым аспектом формирования государственной идентичности.

Заключение

Развитие любого государства происходит в двух взаимосвязанных областях: внешней, создаваемой институциональными и административными механизмами, и внутренней, формирующейся в сознании индивидов и реализующейся в мире их повседневности. Внутренняя сторона выражается в феномене *государственной идентичности*, которая имеет не меньшее, если не большее значение, чем эффективное функционирование политических организаций, международное признание и государственная символика. Отношения «индивид-государство» также развиваются одновременно в двух модальностях: в модальности предустановленности (обязательности, долженствования) и в модальности добровольности.

Государственная идентичность не противостоит гражданской и национальной идентичностям; их взаимосвязь и взаимозависимость определяется потребностью индивидов в упорядочивании социальной реальности. Гражданство в данном ключе рассматривается не как извне предписанное качество, а как образ жизни, вырастающий из внутреннего мира человека, категория не только статуса прав, но и практики, связанной с этими правами. Гражданская идентичность является важным измерением идентичности государственной, сферой реализации и защиты интересов, сопричастности к самоорганизованной жизни. Национальное же измерение государственной идентичности описывает различные доминанты соотношения индивидом себя с той или иной социальной общностью (язык, религию, этническую культуру, традиции, ценности и т. д.).

Характеристика основных элементов государственной идентичности (когнитивного, эмоционально-оценочного, нормативно-ценностного и поведенческого) позволяет сформировать ее теоретическую модель, учитывающую знания о государстве в его исторической и современной перспективе; эмоциональное отношение к государству; «идеальные» представления о гражданских нормах и ценностях; действия, в которых проявляются те или иные установки, связанные с восприятием своего места в государстве. Ее конкретное наполнение формируется в ходе непрерывного диалога и индивидуально-институционального взаимодействия между индивидом и государством, реализующегося в рамках нового мировоззрения и новой системы ценностей.

Литература

1. Балашов А. И. Российская армия: смена модели // Мир России. Социология и этнология. 2014. Т. 23. № 4. С. 148–172.
2. Барсукова С. Ю. Солидарность участников неформальной экономики. На примере стратегий мигрантов и предпринимателей // СОЦИС. 2002. № 4. С. 3–13.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГУ, 2000.
5. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М., СПб.: Алетейя, 1999. С. 125–166.
6. Галактионова Н. А. Гражданская идентичность как компонент личностной идентичности // Социология. Экономика. Политика. Известия высших учебных заведений. 2010. № 1. С. 10–12.
7. Гофман А. Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 241–254.
8. Гудков Л. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение «ВЦИОМ-А», 2004.

9. Дробижина Л. М. Государственно-гражданская идентичность в республиках в общероссийском контексте: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М. : РОС, 2012. С. 2373–2385.
10. Закарян А. Г., Обидовский О. В., Санина А. Г. Государственная идентичность выпускников экономических и гуманитарных вузов Санкт-Петербурга // Вопросы образования. 2012. № 3. С. 217–240.
11. Красин Ю. А. Государство и общество: сдвиги во властном поле // Полис. 2013. № 5. С. 51–59.
12. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998.
13. Перегудов С. П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. 2011. № 3. С. 141–163.
14. Пшизова С. Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе. Часть I // Полис. 2009. № 1. С. 100–117.
15. Симонова О. А. Современная социология эмоций и проблема социальной солидарности: Основные направления исследований // Социологический ежегодник. 2011. С. 95–143.
16. Alexander J. 2003. The Meanings of Social Life: a Cultural Sociology. New York : Oxford University Press.
17. Boulding K. E. National Images and International systems // Journal of Conflict Resolution. 1959. N 2. P. 120–131.
18. Brown D. The Democratization of National Identity / Democratization and Identity: Regimes and Ethnicity in East and Southeast Asia (ed. by Henders S. J.). Lanham : Rowman and Littlefield, 2004. P. 65–122.
19. Brown N., Shevell S., Ripps G. Public memories and their personal context. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986.
20. Burke E. Reflections on the Revolution in France. North Charleston : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2013.
21. Castells M. Materials for an exploratory theory of the network society // British Journal of Sociology. 2000. N1. P. 5–24.
22. Dalton R., Scarrow S., Cain B. Advanced Democracies and the New Politics // Journal of Democracy. 2004. N 1. P. 124–138.
23. Ham P. The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation // Foreign Affairs. 2001. N 5. P. 2–6.
24. Pease D. E. The Global Homeland State: Bush's Biopolitical Settlement // Boundary. 2003. N 2. P. 1–18.
25. Pitkin H. F. The idea of a constitution // Journal of Legal Education. 1987. N 3. P. 167–169.
26. Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Frankfurt a. M. : Georg Simmel Gesamtausgabe, 1992.
27. Smith A. The Ethnic Origin of Nations. Oxford : Basil Blackwell, 1986.
28. Stolle D., Hooghe M. Inaccurate, Exceptional, One-Sided or Irrelevant? The Debate about the Alleged Decline of Social Capital and Civic Engagement in Western Societies // British Journal of Political Science. 2005. N 1. P. 149–167.
29. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen : Mohr, 1968. Перевод: Хархордин О. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте / Понятие государства в четырех языках (под ред. О. Хархордина). СПб.; М. : Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.

References

1. Balashov A. I. *Russian army: change of model* [Rossiiskaya armiya: smena modeli] // World of Russia. Sociology and ethnology [Mir Rossii. Sotsiologiya i etnologiya]. 2014. V. 23. N 4. P. 148–172. (rus)
2. Barsukova S. Yu. *Solidarity of participants of informal economy. On the example of strategy of migrants and businessmen* [Solidarnost' uchastnikov neformal'noi ekonomiki. Na primere strategii migrantov i predprinimatelei] // Sociological Studies [SOTsIS]. 2002. N 4. P. 3–13. (rus)
3. Bauman Z. *The individualized society* [Individualizirovannoe obshchestvo]. M. : Logos, 2005. (rus)
4. Bodriyyar Zh. *In shadows of the silent majority, or the End of the social* [V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo]. Yekaterinburg : Ural SU [Izd-vo Ural'skogo GU], 2000. (rus)

5. Bourdieu P. *Spirit of the state: genesis and structure of a bureaucratic field* [Dukh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya] // Poetics and policy [Poetika i politika.]. M., SPb. : Aletheya [Aleteiya], 1999. P. 125–166. (rus)
6. Galaktionova N. A. *Civil identity as component of personal identity* [Grazhdanskaya identichnost' kak komponent lichnostnoi identichnosti] // Sociology. Economy. Policy. News of higher educational institutions [Sotsiologiya. Ekonomika. Politika. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii]. 2010. N 1. P. 10–12. (rus)
7. Gofman A. B. *In search of the lost identity: traditions, traditionalism and national identity* [V poiskakh utrachennoi identichnosti: traditsii, traditsionalizm i natsional'naya identichnost'] // Questions of the social theory [Voprosy sotsial'noi teorii]. 2010. V. 4. P. 241–254. (rus)
8. Gudkov L. *Negative identity* [Negativnaya identichnost']. M. : New literary review [Novoe literaturnoe obozrenie «VTsIOM-A»], 2004. (rus)
9. Drobizheva L. M. *State and civil identity in the republics in the all-Russian context* [Gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' v respublikakh v obshcherossiiskom kontekste]: Materials of the IV Russian sociological congress. M. : RSS, 2012. P. 2373–2385. (rus)
10. Zakaryan A. G., Obidovsky O. V., Sanina A. G. *State identity of graduates of economic and liberal arts colleges of St. Petersburg* [Gosudarstvennaya identichnost' vypusnikov ekonomicheskikh i gumanitarnykh vuzov Sankt-Peterburga] // Questions of education [Voprosy obrazovaniya]. 2012. N 3. P. 217–240. (rus)
11. Krasin Yu. A. *State and society: shifts in an imperious field* [Gosudarstvo i obshchestvo: sdvigi vo vlastnom pole] // Political Researches [Polis]. 2013. N 5. P. 51–59. (rus)
12. Parsons T. *The System of Modern Societies* [Sistema sovremennykh obshchestv]. M. : Aspect Press, 1998.
13. Peregudov S. P. *National and state identity and problems of consolidation of the Russian state* [Natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' i problemy konsolidatsii rossiiskogo gosudarstva] // Political Researches [Polis]. 2011. N 3. P. 141–163.
14. Pshizova S. N. *From “civil society” to “community of consumers”: political consumerism in comparative prospect* [Ot «grazhdanskogo obshchestva» k «soobshchestvu potrebitel'ei»: politicheskii kons'yumerizm v sravnitel'noi perspective]. Part I // Political Researches [Polis]. 2009. N 1. P. 100–117.
15. Simonova O. A. *Modern sociology of emotions and problem of social solidarity: Main directions of researches* [Sovremennaya sotsiologiya emotsii i problema sotsial'noi solidarnosti: Osnovnye napravleniya issledovaniy]. Sociological year-book [Sotsiologicheskii ezhegodnik]. 2011. P. 95–143. (rus)
16. Alexander J. *The Meanings of Social Life: a Cultural Sociology*. New York : Oxford University Press, 2003.
17. Boulding K. E. *National Images and International systems* // Journal of Conflict Resolution. 1959. N 2. P. 120–131.
18. Brown D. *The Democratization of National Identity*. — Democratization and Identity: Regimes and Ethnicity in East and Southeast Asia (ed. By Henders S. J.). Lanham : Rowman and Littlefield. 2004. P. 65–122.
19. Brown N., Shevell S., Ripps G. *Public memories and their personal context*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986.
20. Burke E. *Reflections on the Revolution in France*. North Charleston : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2013.
21. Castells M. *Materials for an exploratory theory of the network society* // British Journal of Sociology. 2000. N 1. P. 5–24.
22. Dalton R., Scarrow S., Cain B. *Advanced Democracies and the New Politics* // Journal of Democracy. 2004. N 1. P. 124–138.
23. Ham P. *The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation* // Foreign Affairs. 2001. N 5. P. 2–6.
24. Pease D. E. *The Global Homeland State: Bush's Biopolitical Settlement* // Boundary. 2003. N 2. P. 1–18.
25. Pitkin H. F. *The idea of a constitution* // Journal of Legal Education. 1987. N 3. P. 167–169.
26. Simmel G. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Frankfurt a. M. : Georg Simmel Gesamtausgabe, 1992.
27. Smith A. 1986. *The Ethnic Origin of Nations*. Oxford : Basil Blackwell, 1986.
28. Stolle D., Hooghe M. *Inaccurate, Exceptional, One-Sided or Irrelevant? The Debate about the Alleged Decline of Social Capital and Civic Engagement in Western Societies* // British Journal of Political Science. 2005. N 1. P. 149–167.
29. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen : Mohr, 1968.